

Г: С опытом становится легче заниматься градозащитой или, наоборот, сложнее?

А. К.: Легче. Благодаря набору технологий. Мы все время учимся. И оппоненты наши учатся. Это такой взаимный процесс обучения. Когда я начал заниматься градозащитой двенадцать лет назад, многих вещей мы просто не делали: мы не составляли иски в суд, не делали историко-культурных экспертиз. А теперь это постоянная практика: экспертизы, суды, исследования юридических процедур по охране памятников. Отчасти нам помогает также развитие федерального законодательства. Например, с 2015 года информацию об историко-культурных экспертизах все истории размещают на сайте, когда происходит их общественное обсуждение. Раньше эта информация была закрытой. А сейчас мы можем превентивно на ранних стадиях эту документацию отслеживать. Мы добились того, чтобы сейчас изложение заключений КГИОП размещалось на их сайте, хоть закон этого и не предписывает. Мы подталкиваем комитет к открытости. Только это является гарантией полноценного спасения объектов в каких-то спорных ситуациях. Профессиональная общественность, эксперты и специалисты могут оценить и документацию, и проектные решения, и обоснования, и определение границ объектов.

Г: То есть можно сказать, что благодаря ВООПИиК деятельность КГИОП становится более открытой?

А. К.: Это в целом заслуга градозащитного сообщества. Не только ВООПИиК, но и других организаций, которые работают в этом направлении. Потому что все заинтересованы в том, чтобы это был максимально прозрачный процесс. Так как это то наследие, которое принадлежит всем. Эти объекты — национальное достояние, и важно знать, что с ними происходит, должна быть полная прозрачность. Я не считаю, что здесь есть мои личные заслуги. Скорее это требование времени. Хорошо, что законодательная и исполнительная власти постепенно движутся в этом направлении. Тренд именно такой: открытость как для специалистов, так и для широкого круга.

Г: Чего не хватает в нашем городе с точки зрения градозащиты?

А. К.: У нас очень много проблем. Если посмотреть системно — то это ощутимые пробелы в законодательстве. Если мы посмотрим на наш региональный закон об объектах культурного наследия, то, в отличие от 73-ФЗ, он очень слабый и малоприменимый. Этот закон почти не используется в современной практике. Законодательство нуждается в совершенствовании, в том числе и наш закон о границах зон охраны. Сейчас как раз ведется работа в этом направлении. В следующем году мы получим новую редакцию этого закона. Но эта работа ведется не просто. Это первый уровень. Второй уровень — это повседневная работа самого полномочного органа. Конечно, у нас много претензий к КГИОП. Мы видим, что зачастую в приоритете не сохранение памятника, а строительные проекты. Никто не ставит приоритетной задачи: что нужно сделать, чтобы здание сохранить. Это, конечно, в практике комитета тревожные вещи. Мы часто оказываемся в суде по разные стороны баррикад. Но бывают и другие примеры, когда мы довольно успешно сотрудничаем с КГИОП. Третий момент: у нас в городе, по большому сче-

ту, не хватает полноценных площадок для диалога между градозащитным сообществом, архитектурным сообществом, бизнес-сообществом. По моему опыту, везде, где инвестор, общественность и власть начинали искать реальные совместные решения и были заинтересованы в диалоге, эти решения всегда находились. Это некое искусство диалога, компромисса. Ушло то время, когда никто ни с кем не хотел разговаривать. Сейчас вроде все хотят, но реальных институций, которые бы этому способствовали, нет.

Г: А как же Совет по наследию?

А. К.: Совет по наследию собирается так редко, что он сейчас потерял решающую роль в происходящем. И никакие знаковые проекты полноценно через Совет по наследию не проходили: ни Музей блокады, ни «Судебный квартал» в своей последней версии. Это все принималось, в общем-то, кулуарно. Сейчас в совет включили очень много людей, которые к проблемам по сохранению культурного наследия особого отношения не имеют. Эти люди почти не ходят на такие заседания, отчего бывают проблемы с кворумом.

Г: Если сравнивать Петербург и Москву: как сейчас складывается ситуация с градозащитой в столице? Можно ли утверждать, что в нашем городе обстановка лучше? Или наоборот?

А. К.: Это сложный вопрос. Мне кажется, что сейчас лучше у нас. Все-таки в Москве все очень близко к вершинам власти, и каждый застройщик, которому что-то не понравилось, начинает решать вопросы не через департамент мэрии Москвы, а через Министерство культуры. А довольно часто и через администрацию президента. А у нас все по-другому. Поэтому, когда к нам приходят москвичи, их это удивляет — совершенно другая обстановка. Когда приходит инвестор, ему могут сказать, что сейчас прибегают градозащитники. В этом отношении у нас более дисциплинированная градостроительная система. Другой вопрос, что она достаточно хаотичная. Градостроительная политика в целом не последовательная. А в сфере сохранения она вообще не чувствуется. Все программы, которые должны постоянно запускаться, — имитационные. Например, программа «Памятники за рубль». Мы со своей стороны говорили КГИОП, что ни одного памятника на этих условиях никто не возьмет — их никто и не берет.

Г: Можно ли согласиться с тезисом, что у нас градозащитное движение более сильно?

А. К.: Это все происходит волнами. Мы видели, как в 2006 году, когда образовался «Живой город» и пошел такой сильный молодежный тренд — движение за сохранение наследия, это дало серьезный стимул для градозащитников в Москве. На волне всего этого образовался Архнадзор, который играет серьезную роль в московской градозащите. В силу того, что они близки к федеральным институциям, то диалог с Минкультом, профильными комитетами Госдумы налажен лучше. Дальше пошел определенный спад в Москве. То есть был сильный подъем, а потом все-таки строительные лоббистские усилия его нейтрализовали. У нас примерно то же самое. Когда нам удалось отодвинуть «Охта-центр» на 9 км от исторического центра — произошел спад по понятным причинам. Такого масштаба угроз для всего центра уже нет. Огромное количество людей успокоилось, нельзя всю жизнь митинговать и заниматься градозащитной

проблематикой. Сейчас можно сказать, что в Санкт-Петербурге несколько лучше ситуация с консолидированностью градозащитного движения.

Г: Какие сейчас существуют мировые тренды в градозащитном движении и насколько они могут быть применены в России, в Петербурге?

А. К.: Пожалуй, что сейчас совсем плохо работает у нас и очень хорошо на Западе, — это общественные фонды, трасты, благотворительные организации, которые выделяют деньги на восстановление памятников. Наиболее развитые национальные трасты находятся в Великобритании, в США. Они выкупают аварийные здания, восстанавливают по реставрационным методикам, а потом уже продают, когда уже нет угрозы для объекта. По сравнению с ними мы сейчас в детском возрасте. У нас крайне неразвито законодательство о налоговых льготах, о фондах. Мы, конечно, двигаемся медленно в этом направлении, и мы пойдем по нему. Сейчас есть ограниченное количество и фондов, и общественных институций, которые готовы серьезно поддерживать проекты в области сохранения наследия.

Г: А какая выгода для фондов, помимо репутационной?

А. К.: Создан целый механизм. Сначала он был создан на уровне законодательства: налоговые льготы, налоги на недвижимость. Это тонкая стимулирующая система. У нас такого нет.

Г: Происходят ли изменения в этом направлении?

А. К.: Первые шаги — это программы «Аренда за рубль» в разных регионах. Это шаг, но очень робкий. И, конечно, только очень богатые корпорации могут себе позволить такую благотворительность: взять памятник, пять-семь лет платить за него полноценную аренду, восстановить его за свой счет и только потом наступит эта аренда за рубль. Деньги-то они должны вложить сегодня. Это не стимуляция интереса. Наоборот, мы отсекаем средний и малый бизнес от этого. На того, кто хочет восстановить памятник, надо молиться и создавать ему условия для работы. У нас годами стоят брошенные памятники, и никто не хочет их брать. Никому неинтересно, причем дома находятся в центре Петербурга, на «золотой» земле.

Г: Часто градозащитников обвиняют в том, что они ретрограды, которые хотят законсервировать город, не дают ему развиваться и защищают то, что не нужно защищать.

А. К.: Этот город невозможно законсервировать. Меня всегда поражал этот тезис, что город должен развиваться: он никому ничего не должен. Город развивается, кто бы что ни говорил. Но важно не терять того, что стало вечными ценностями для этого города. Исторический центр — это 10% Петербурга, именно им он интересен всему миру. Не спальными районами, не ЗСД. Это тот стратегический капитал, который и для нынешнего, и для следующего поколения является абсолютной гарантией того, что этот город будет экономически привлекателен, финансово привлекателен, сюда всегда будут приезжать туристы. Пример Москвы показывает, что на протяжении одного поколения очень легко испортить город. То есть это не проблема. Да, останутся отдельные интересные памятники. Никто не несет Исаакиевский собор или Петропавловку, но этой уникальной цельности города уже не будет. Десять лет назад Петербург как раз

стоял на этой грани — пойти по московскому пути. Если бы мы выбрали столичный путь, то у нас были бы лишь кусочки старого города, а в центре стояли бы небоскребы. Почему сейчас с каждым годом увеличивается поток туристов — потому как такой сохранности центра в Европе, да и в мире, очень мало. Мы обладаем бесценным капиталом. Могут меняться ситуации в промышленности, экономике, но если с ним правильно работать — это неубываемо.

Г: Как вы считаете, Санкт-Петербург не прошел ту точку невозврата, после которой все потеряно? Или она еще не достигнута?

А. К.: Совершенно верно. Я думаю, что мы уже отошли от этой пропасти. Я еще помню, когда не было временного высотного регламента, когда в любом месте могло появиться здание любой высоты. Мы за десять-пятнадцать лет могли бы пройти московский путь. Да, в нашем городе есть градостроительные ошибки, они вписаны в 820-й закон. Тем не менее есть надежда, что мы от системной проблемы ушли. Я думаю, что, если бы мы не отстояли тогда перенос «Охта-центра» на Лахту — это как раз была бы та точка невозврата. Не было бы смысла бороться за уменьшение здания на один этаж, когда наш плоский рельеф был бы нарушен зданием высотой в сотни метров. Сейчас понятно, что в историческом центре не будет высотного строительства никогда — и это большая победа.

Г: Вы в градозащите двенадцать лет. Можете рассказать, почему вы к этому пришли? Это больше ваша профессия или гражданская и общественная позиция?

А. К.: Безусловно, когда я пришел, это была в чистом виде гражданская и общественная позиция. Я историк, я занимался исторической наукой, в том числе историей города. Также я много фотографировал, и у меня складывалось впечатление, что я снимаю на фотоаппарат какую-то уходящую натуру. Потому что мы приближаемся к какой-то грани, перейдя которую, мы окажемся в другом городе, в другой реальности. И мне не хотелось, чтобы исторический центр был уничтожен и распался на островки аутентичной среды. Мое появление отчасти было случайным, отчасти совпало по времени с заявленным строительством «Охта-центра», сносами домов на Невском. Тогда многие приходили. Конечно, если этим заниматься двенадцать лет, это становится частью профессионального бытия. Мне трудно загадывать, но сегодня это остается той вахтой, которую пока нужно нести. В этом отношении можно сказать, что произошла градозащитная профессионализация.

Г: Как вы относитесь к новым градозащитным движениям, которые появились в нашем городе, в частности, к «Красивому Петербургу» и ему подобным? Вы с ними взаимодействуете, сотрудничаете или идете параллельными курсами?

А. К.: В нашем городе так много проблем и вопросов, что никогда не будут лишними люди или организации. Если кто-то нашел для себя какой-то ракурс работы в части градозащиты, мы стараемся с ними взаимодействовать. Мы работали с правыми, с левыми, с кем угодно. Если люди искренне болеют за объект или за город в целом — все остальные различия не такие принципиальные. Петербург — это такой город, который сам рекрутирует людей, действительно переживающих за него. ■